

очень важно, что Илюшу) Коля Красоткин называет «старик» (10, 43 и сл.), а штабс-капитан, видя мертвого своего мальчика, «полоумно» восклицает: «батюшка, милый батюшка!» (10, 329).

Илюша заключает в себе взрослого и ребенка и, в отличие от Ивана, разрывающего живую связь вещей, демонстрирует ее невольно и органично. Этот герой, Илюша, история его страдания и смерти свидетельствуют, по мысли автора «Братьев Карамазовых», против богоборческой проповеди Ивана. В этом же смысле я истолковываю и сцену, которая мне представляется символической, — сцену прощания и как бы завещания умирающего Илюшечки, когда он крепко и навсегда соединяет ребенка и взрослого, Колю Красоткина (характерно, что именно Колю) и своего отца: «— Папа, папа, поди сюда... мы... — пролепетал было Илюша в чрезвычайном возбуждении, но, видимо не в силах продолжать, вдруг бросил свои обе исхудалые ручки вперед и крепко, как только мог, обнял их обоих разом, и Колю и папу, соединив их в одно объятие и сам к ним прижавшись...»

— Папа, папа! Как мне жалко тебя, папа! — горько простонал Илюша» (10, 67). На страданиях этого ребенка, окруженного ореолом святости, не должно, но как бы вынуждено строиться новое здание. Однако это не совсем то здание, о котором хлопотал Иван.

* * *

Сказанное здесь ни в коей мере не исчерпывает ни той темы, которая указана в названии моей статьи, ни даже того узкого аспекта ее, который я избрала. Но на этом можно остановиться. Повторяю, что в художественной структуре романов Достоевского за первым, конкретным планом и лицами рассказа встают, благодаря организованным, целенаправленным ассоциациям, другие планы и другие лица. В результате суета и разорванность живой, современной автору жизни наделяются глубиной и силой, идущей от старины и предания. Этот поистине огромный, неисчерпаемый мир вместе с гуманистическим пафосом автора, который его создает и одушевляет, и дает нам великого Достоевского.